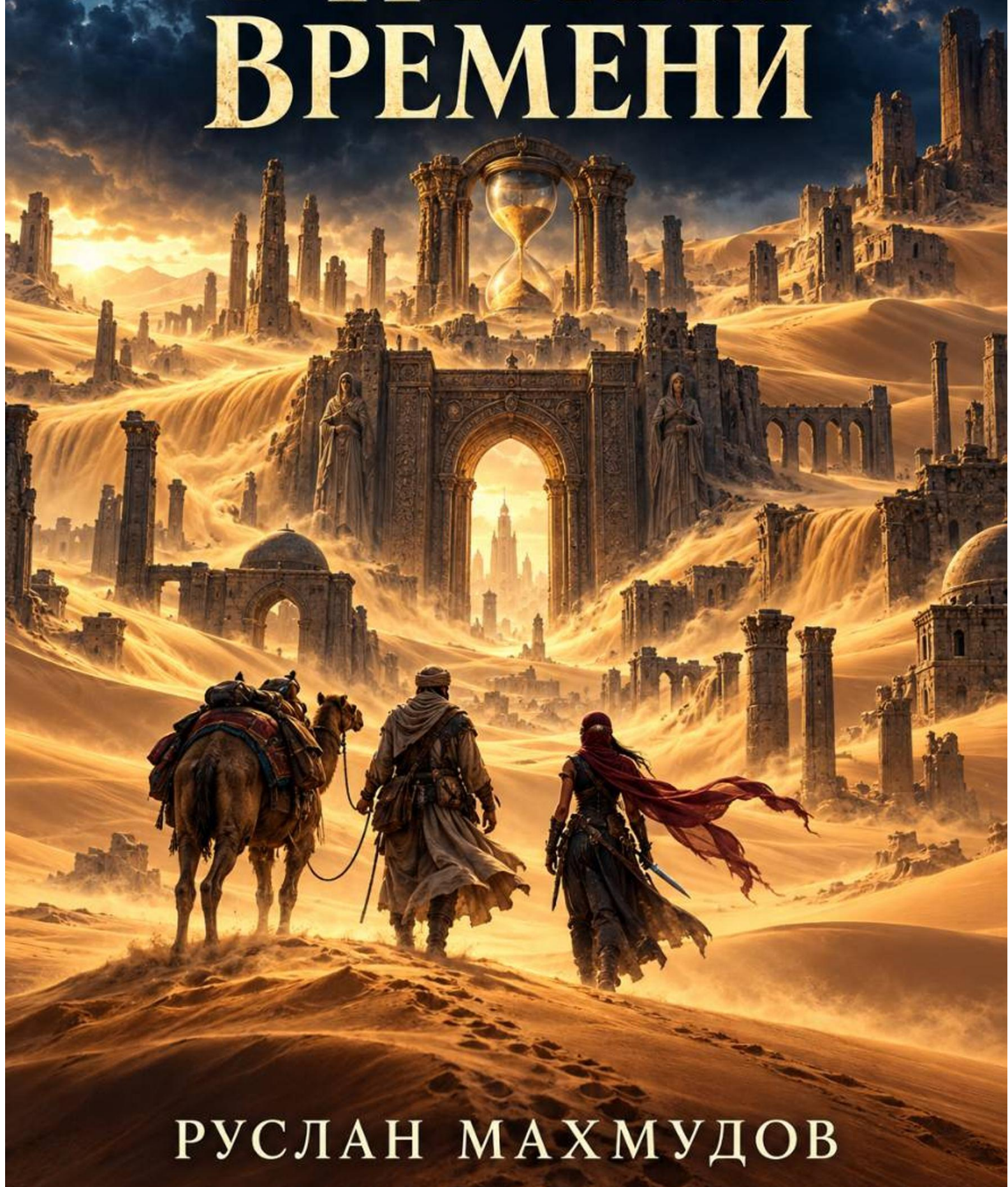

ЗАТЕРЯННЫЕ В ПЕСКАХ ВРЕМЕНИ

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Затерянные в песках времени

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Затерянные в песках времени / Р. Махмудов — «Автор», 2026

В Поющем Море нельзя доверять даже земле под ногами. Здесь барханы за сутки обнажают древний город — и снова хоронят его вместе с теми, кто не успел уйти. Караванщик Сарен Вей берётся провести через пустыню незнакомку с фрагментом карты. Заработанные деньги должны спасти от жажды его родную деревню, где осталась дочь. Но его спутница — беглая ассасинка Нима Сеф, а по их следу уже идут элитная кавалерия султана и наёмные следопыты. Карта ведёт к Песочным Часам Императора — устройству, способному повелевать материей. Ради такой власти султан готов отправить людей в руины, из которых они не вернутся. Однако древняя машина хранит тайну страшнее любого проклятия: прежде чем что-то вернуть, она должна что-то забрать. Каждый переход приближает Сарена к возможности спасти свой дом. Каждое открытие заставляет Ниму снова встретиться с прошлым, от которого она бежала. Когда пески откроют последний путь к Часам, им придётся решить - чем они готовы заплатить?

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Вес воды	6
Глава вторая	10
Пассажир без имени	10
Глава третья	14
Первый час	14
Глава четвёртая	18
Дом под барханом	18
Глава пятая	22
Камень, который остаётся	22
Глава шестая	26
Девять Дверей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Руслан Махмудов

Затерянные в песках времени

Затерянные в песках времени

Руслан Махмудов

Глава первая

Вес воды

Мальчишка у водяных весов придерживал чашу большим пальцем.

Сарен заметил это дважды, прежде чем заговорить. Мальчишке было лет четырнадцать. Нижняя губа треснула, торговый передник доставал до щиколоток. Палец работал ловко: полный бурдюк снимали с весов, латунную гирьку убирали в ящик, а женщина, пришедшая с дальнего рынка, платила за воду, которой никогда не выпьет.

Положив на прилавок свой бурдюк, Сарен вытащил из кармана железный язык колокольчика.

— Сначала взвесь это.

Мальчишка поднял глаза.

— Мы водой торгуем.

— А я знаю, сколько это весит.

За прилавком торговец проверял монеты на зуб. На четвёртой остановился.

— Мой ученик ещё учится.

— Значит, ему пригодится.

Мальчишка убрал палец. Чаша опустилась. Сарен дождался, пока железка уравновесит гирьки, забрал её и позволил наполнить бурдюк. Возвращать деньги обманутой женщине он не потребовал. Она уже ушла, а спор съел бы следующий час, который можно было провести в тени.

Он заплатил одиннадцать медяков. Прошлой весной такой бурдюк стоил шесть.

— Северные повозки задерживаются, — сказал торговец.

Сарен завязал горловину.

— Прошлой весной они тоже задерживались.

— Значит, понимаешь.

За навесом жар ударил в глаза. Общая цистерна Мерета находилась напротив, за выбеленной стеной. Когда Сарен впервые приехал сюда, у неё было четыре крана. Теперь три заткнули, а очередь к последнему огибала зерновую лавку. Над дверью хозяин нарисовал синие волны. Кто-то соскоблил краску на высоте вытянутой руки с ножом.

Сарен убрал язык колокольчика в карман кафтана. Без самого колокольчика он походил на кусок лома. Однажды Сарен попытался продать его кузнецу. Тот предложил честную цену, спросил, куда делся корпус, — и Сарен забрал железку.

На другом конце площади сидел на ящике гонец и вытаскивал колючки из копыта мула. На его запястье был повязан жёлтый шнур. Сарен коснулся такого же шнура на письме, спрятанном под рубахой.

— Из Кеша?

Гонец не поднял головы.

— Вчера приехал. Письмо отдать могу, жаловаться на дорогу буду завтра.

— Ты принёс письмо от Талы Вей.

— Значит, свою работу я сделал.

Сарен опустился рядом. Загнутая колючка глубоко вошла между подушечками. Он подержал копыто, пока гонец вытаскивал её.

— Как дорога?

— Сухая.

— А деревня?

Гонец взглянул на него.

— Тоже сухая.

— У меня там дочь.

Некоторое время было слышно лишь, как мул рвёт пучок горькой травы.

— Пока я там был, никто не умер, — наконец сказал гонец. — Мне дали кружку воды. Я предложил заплатить. Твоя сестра велела брать и не устраивать представления.

Тала. Сарен поблагодарил его и поднялся, пока ещё один вопрос не превратил чужую доброту в обязанность.

Письмо он перечитал четыре раза. Питьевой воды осталось на двенадцать дней; животных уже продали или угнали на юг. Тала сама пересчитала запасы в кувшинах. Слово «двенадцать» подчеркнула один раз, твёрдо, а потом приписала, что Ири научилась чинить крышу и никому не позволяет её за это хвалить.

Внизу неровным почерком дочери были выведены шесть слов:

«Привези хоть что-нибудь, кроме очередного обещания».

Он представил, как она сидит над листом и не даёт помочь с буквами. Одиннадцать лет, а она уже устала от отца, который приезжает с объяснениями.

Две повозки воды стоили восемьдесят серебряных. У него было девять. Две повозки дали бы Кешу ещё несколько недель, если стражники на восточном мосту не поднимут пошлину. Можно было предложить жителям уехать. В селениях к югу от Мерета принимали работников; Тала упомянула об этом так, словно уже почти не нуждалась в его согласии.

Но в Кеше была похоронена Эда — под тамариском, который они посадили в год рождения Ири. Ещё молодым Сарен сам измерил глубину деревенского колодца. Он знал, как звучит ведро, когда его опускают. Уехать значило признать, что все эти годы он обжился в комнате, которую кто-то другой волен опустошить.

Он отправился на двор найма.

К полудню те, кто предлагал честную работу, уже нашли погонщиков. Под окошком смотрителя осталось три договора: сопровождение мучного обоза с оплатой зерном; перегон скота, для которого требовались четыре собственных животных; и частный переход через Поющее Море.

Последний Сарен прочёл дважды.

Двести серебряных. Половина вперёд. Выход до наступления темноты. Запечатанный груз весом не более восьмидесяти фунтов. При необходимости — помощь пассажиру. Вопросы о принадлежности груза не допускаются.

Всё было написано аккуратным писарским почерком, кроме суммы: на неё так нажали пером, что бумага порвалась.

— Кто это вывесил?

Смотритель Борун чинил сандалию проволокой.

— Человек с деньгами.

— Это я вижу.

— Уже больше, чем большинство тех, кто подходит к моему окошку.

Борун натянул проволоку зубами. Он знал Сарена ещё до неудачного перехода, до того, как семьи пришли спрашивать, где их мужья и сыновья. Плату за место в стойле никогда ему не повышал. В долг тоже никогда не давал.

— Куда везти груз?

— В Девять Дверей.

— Они под песком.

— Мне так и сказали.

— Когда откроются?

Борун отложил сандалию.

— Если бы договор всё знал, ты бы ему не понадобился.

За его спиной, в окне, виднелись животные, стоявшие в отдельных пятнах тени. Верблюды Сарена занимали угол у разбитого корыта. Старая Сланка жевала край мешка, который сама же опустошила. Напёрсток, молодой верблюд, привык выворачивать нижнюю губу при виде незнакомца. Никто не знал, что он хочет этим сказать. Сарен подозревал, что и сам Напёрсток не знает.

Он снова посмотрел на сумму. На аванс можно купить повозки. Кто-нибудь отвезёт их в Кеш, пока он будет переходить Море.

— Где этот человек?

— Седьмой склад. Спроси Воска. Если возьмёшься, с тебя шесть за посредничество.

— Четыре.

— Для остальных шесть. Для тебя четыре, и ещё два за такой взгляд.

Сарен оставил объявление на гвозде.

На седьмом складе было прохладнее, чем на улице; пахло шерстью, мышиным помётом и дорогим кедром. Воск ждал возле длинного дорожного сундука. Руки у него были мягкие, как у человека, который платит другим за распаковку вещей. На костяшке одного пальца красовалась свежая ссадина.

— Мастер Вей?

— Сарен.

— Мне сказали, вы знаете южные переходы.

— Некоторые.

Воск улыбнулся, словно скромность входила в оплаченную услугу.

— Мне нужно доставить этот сундук в целости. Получательница встретит вас в Девяти Дверях.

— Кто?

— Узнаете её по синему рукаву.

— Половина механиков носит синее.

— Она узнает сундук.

Сарен обошёл его. Кедр был новый, но в швах кожаных ремней застрял старый песок. Под крышкой просверлили два отверстия для воздуха и натёрли сажей, чтобы они походили на сучки.

— В объявлении сказано: восемьдесят фунтов.

— Приблизительно.

— И помощь пассажиру.

— С формулировкой возникли затруднения.

— С грузом тоже.

Он положил ладонь на крышку. Внутри что-то едва заметно сдвинулось.

Воск сделал маленький шаг к нему. Сарен не убрал руку.

— Откройте.

— Печать — часть соглашения.

— Тогда соглашение закончено.

Он повернулся к двери. Воск ухватил его за рукав, передумал удерживать и отпустил.

— Дело частное. Никому не причиняют вреда.

— Откройте — и мы оба это узнаем.

За спиной Сарена приоткрылась дверь. Вошла женщина в сером кафтане прислуги, неся корзину сложенных тканей. Корзина наполовину закрывала лицо. Женщина поставила её на пол и посмотрела на Воска.

— Я сказала: никаких запечатанных сундуков.

Улыбка исчезла.

— У обоих ворот патрули, — ответил он. — Пытаюсь оставить нам хотя бы один выход. Женщина подошла. Под правым ухом у неё был узкий, недавно зашитый порез. Сандалии обычные, но свободные ремешки плотно примотаны к щиколоткам.

— Что в сундуке? — спросил Сарен.

— Одежда. Камни для нужного веса. Пружина, которая сдвигает их, когда сундук двигают.

— Зачем?

— Узнать, на что ты согласишься.

Он посмотрел на неё, потом на Воска. Ссадина на костяшке торговца вдруг стала гораздо понятнее.

— За потерянный день вы должны Боруну четыре монеты.

— Мне нужен проводник, — сказала женщина.

— Во дворе их двенадцать.

— Мне нужен тот, кто велит открыть сундук.

Она вытащила из-под кафтана тонкую медную пластину и положила на крышку. Не шире ладони, с тремя вытравленными кольцами, цепочкой крошечных квадратов и знаками вдоль сломанного края. Большинство надписей были старыми имперскими съёмочными номерами. Сарен знал их по камням, выкопанным из обрушившихся колодцев.

У самого угла стоял знак, который он двадцать лет назад срисовал в тетрадь: развилка с одной загнутой внутрь ветвью и число семнадцать.

Колодец Кеша.

Он склонился над пластиной, не касаясь её.

— Откуда это?

— От человека, который собирался ею воспользоваться.

— Для чего?

— Найти машину.

На улице так резко остановилась лошадь, что подковы высекли искры из мостовой. Мужской голос спросил, в каких зданиях есть собственные колодцы. Воск побледнел и потянулся к корзине.

Женщина накрыла пластину ладонью.

— Меня зовут Нима. Прежде чем решать, выслушай условия.

Сарен снова посмотрел на маленький съёмочный знак. Он пришёл купить двенадцать дней. На крышке обманного сундука лежал чертёж того, что он считал утраченным навсегда.

Глава вторая

Пассажир без имени

Всё утро Нима слушала, как мужчины соглашаются везти запечатанный сундук. Один спросил, можно ли оставить себе содержимое, если получательница не придёт. Другой предложил бросить груз у Девяти Дверей, не дожидаясь, пока здание покажется из песка. Третий назначил отдельную плату за доставку тела обратно.

Вей потребовал открыть крышку. Нима услышала это через стену упаковочной комнаты и вышла раньше, чем собиралась.

Теперь он стоял над пластиной, хмуясь с сосредоточенностью, которой она не доверяла. Такой взгляд она уже видела — перед скачками, перед кражей, при обещании исцеления. С ним человека трудно убедить, но легко повести.

Ей был нужен проводник, способный ей отказать.

— Девять Дверей откроются через три дня, — сказала она. — Со вторым утренним кололом, примерно. Там другая пластина. С обеими мы доберёмся до Авара.

— Авар — это песня.

— Прежде чем стать песней, он был городом.

— А машина?

Можно было сразу назвать её. Воск именно это и советовал: произнести тихо «Песочные Часы Императора» и позволить слушателю самому представить сокровища. Но Вей смотрел на знак колодца, а не на неё. Нима сказала другое:

— Она перемещает воду. Среди прочего.

— Может починить пересохший колодец?

— Есть записи, что она восстанавливала целые каналы.

Ответ был правдивым. И в этом ответе она впервые его обманула.

На улице загремела дверь. Кто-то засмеялся резко — так смеются, когда вооружённые гости задают вопрос, на который нельзя ответить честно.

— Нужно через задний ход, — прошептал Воск.

Нима оставила пластину на сундуке. Убрать её означало решить за Вея, а она не могла отправляться в Море с проводником, который ещё у ворот будет считать себя обманутым.

— Почему тебя ищут? — спросил он.

— Я работала на Тихий Дом.

Воск закрыл глаза.

Вей выпрямился.

— Это дворцовая служба.

— Да.

— Что за работа?

— Та, которой нет в открытых отчётах.

Он не отступил. Нима предпочла бы, чтобы отступил. Вместо этого он посмотрел на порез под ухом, на примотанные ремешки сандалий, на то, как она встала: ни от двери, ни от Воска нельзя было приблизиться к ней, не попав в его поле зрения.

— Ты убивала людей.

— Да.

Впервые после кражи пластины она пожалела, что не приготовила чужого имени. Воск мог устроить это. У него были бумаги вдовы-красильщицы, зернового надзирателя и мужчины,

умершего три года назад, чью подпись он так и не научился подделывать. Нима отказалась: имена проверяют.

— Я проведу тебя, — сказал Вей. — Но никого не стану для тебя выслеживать. Не повезу пленника и не помогу бросить человека потому, что он мешает.

— Ты ещё не видел путь.

— Это мои условия на любом пути.

Она чуть не ответила, что в Море условия меняются. Он поправил письмо, показавшееся у воротника, убрал под рубаху и подождал.

— Согласна.

— Сто серебряных вперёд. Сегодня Воск отправляет две водяные повозки в Кеш, через восточный мост. Если я не вернусь, остаток получает сестра. Мне нужна расписка с названием деревни и количеством воды.

Воск недовольно крякнул.

— Одна пошлина...

— Из твоей платы, — сказала Нима.

— Мы так не договаривались.

— Теперь договорились.

Вей посмотрел на обоих.

— Ты ей должен.

— Я должен соблюдать осмотрительность, — ответил Воск.

Деликатное обозначение того, что он продал одинаковые пропускные бумаги второму клиенту. Нима поймала его до прихода покупателя. Костей не ломала. Показала, с каких начнёт, если он не вернёт деньги.

Воск принёс книгу. Они записывали условия, пока патруль переходил улицу. Нима поставила настоящее имя — Нима Сеф: у ворот пользоваться им она всё равно не собиралась. Вей подписывал медленно, проверив количества и место доставки. На повозки Воск отсчитал восемьдесят четыре серебряных, на пошлину и возчиков — двенадцать, Боруна — четыре. Первая половина кошель опустела. Вторую сотню Воск завернул, положил под книгу и записал на имя Талы Вей. Подпись засвидетельствовал второй писарь, которого он вызвал с чердака.

На дорожные припасы Вей потратил шесть из своих девяти серебряных. Нима заметила, что Боруна он заплатил отдельно и не стал спорить о повторной плате. Проверку с ложным сундуком он уже понял. Теперь хотел завершить наём, не оставив смотрителю повода идти за ними.

Патруль вошёл в переднюю контору, когда они добрались до заднего прохода.

Нима вывернула серый кафтан. Подкладка была цвета зернового мешка. Вей протянул два упряжных ремня.

— Я нанял тебя смотреть за животными. Никаких имён ты не знаешь. Спросят, куда мы идём, — злись, что я тебе не сказал.

— Это будет нетрудно.

Он посмотрел без выражения. Она ошиблась, решив, что сейчас можно пошутить.

— Сможешь хромать?

— Как долго?

— Пока не станет выгоднее перестать.

Они прошли красивый двор, пригнулись под рядами мокрой синей шерсти и вошли в стойла Боруна через навозные ворота. Вей её не представил. Проверил ноги обоих животных, затем велел помочь разобрать поклажу, которую утром собрал для другого найма.

Большую часть нового груза составляла вода: шестьдесят четыре литра в восьми прочных бурдюках. Ни один не был настолько большим, чтобы разорванная горловина погубила весь запас. На деревянных пробках выцарапали номера. Еду на шесть дней убрали в два вощёных

мешка. Ещё были зерно для верблюдов, свёрнутый навес, шнур, маленькая лопата, котелок и латунная чаша с тремя зарубками на краю.

Нима подняла чашу.

— Пить?

— Ждать.

— Долго?

— Не привязывают часы к верблюду, чтобы узнать, где окажется песок.

Он забрал чашу, уложил с компасом, угольком и горстью гладких камней. Затем объяснил расход воды: каждому по шесть литров на день пути под открытым солнцем, в укрытии меньше. Неприкосновенный запас для мытья не предназначен.

— Животным?

— Здесь напились. Через два дня будем у Котельной Скалы, если пройдем. Потом решим. На блуждания этого не хватит.

Нима посмотрела на бурдюки. Шесть дней назад побег представлялся ей выходом за восточные ворота. Теперь он состоял из маленьких пробок, полотна для тени, ног животного.

Разыскивающие вошли во двор до того, как они закончили погрузку.

Трое мужчин: двое пешком, один верхом. Никто не носил султанского зелёного. Простые песочные кафтаны с короткими обшлагами Нима помнила по Дому. Верховым был Керет, который всегда позволял другим задавать первые вопросы, чтобы самому наблюдать за отвечающими. В кулаке он держал сложенный лист с её описанием.

Нима скользнула под шею Напёрстка и принялась будто бы чинить ремень.

Вей отошёл к корыту.

— Никто не выходит, — сказал Керет Боруну.

— Никто и не собирался. С них ещё берут за то, что стоят.

Один из мужчин посмотрел на Ниму. Молодой верблюд вывернул ему губу. Она немного подтянула ремень, заставив животное пожаловаться, и Вей крикнул через двор:

— Не та пряжка! Другая! Мне самому его навьючивать?

Она опустила голову. Лошадь Керета приблизилась на два шага.

— Ты. Куда идёшь?

— На восток, если заплатят. На юг, если нет.

— Что везёшь?

— Воду. Зерно. Полотно. Можешь проверить, когда закончу. Или распаковать сейчас и оплатить остаток дня.

Керет не улыбнулся. Требования заплатить его никогда не веселили.

— Ты Вей. Переходил Море.

— Несколько раз.

— Потерял караван.

Проводник аккуратно поставил бурдюк. Нима следила, как его рука отпустила горловину.

— Да.

Керет развернул описание. На миг она увидела собственное лицо в быстрых чёрных линиях. Художник сделал брови гуще, рот красивее. Зашитый порез передал верно.

Нима склонилась ещё ниже, будто стыдилась окрика.

За воротами прогрехотала повозка. На ней открыто везли кедровый сундук со склада Воска, привязанный рядом с двумя тюками шерсти. Воск обещал отправить его на север, к торговому въезду, через полчаса. Отправил через пятнадцать минут. Возможно, страх наконец улучшил его счёт.

Ближний искатель коснулся колена Керета.

— Тот ящик.

Нима не подняла головы. Услышала, как повернула лошадь, заскребли подковы, как Керет велел одному из мужчин остаться.

Вей грузился с обычной скоростью. Оставшийся приподнял мешок, пощупал свёрнутый навес, несильно пнул зерно. Спросил Ниму, где она работала.

Она едва заметно указала на пустые загоны. Чужой говор запоминают. Молчаливых чаще запоминают как тупых. С этим можно было жить.

— Она с соляных промыслов, — сказал Вей. — Хочешь услышать про каждый мешок соли, который она таскала, спрашивай медленно.

— Сними платок.

Нима размотала его, до последнего удерживая узел над порезом. С улицы свистнули. Мужчина взглянул к воротам; она уронила ткань на плечо и потёрла щёку грязной ладонью.

Он уже смотрел обратно. Она встретила его взгляд с терпеливой неприязнью человека, привыкшего, что его проверяют и находят незначительным.

— Идите.

Нима хромала рядом с Напёрстком, пока за ними не закрылись восточные ворота. Стражник проверил только водяной сбор: выездная бумага Боруна была свежая, с печатью. За стеной Вей шёл, пока дорога не нырнула между двумя невысокими грядами.

Тогда остановился.

— Ты знала верхового.

— Да.

— Он тебя?

— Он меня обучал.

Проводник оглянулся на Мерет. Над крышами ещё виднелась верхняя часть стены цистерны.

— Откроет сундук — придёт сюда.

— Повозка Воска ушла на север.

— Ложный след даст нам несколько часов. Он не сделает преследователя глупее.

Он вытащил из кармана тряпицу и протянул ей. На шее осталась синяя краска с шерсти, под которой они прошли.

— Прикрой швы. Хромать больше не надо.

Она повязала тряпицу и последовала за ним с дороги. Под кафтаном сложенный служебный лист царапал рёбра. В нём было семь названий мест, каждое сведённое к номеру источника. Она перечитывала их столько раз, что знала буквы на ощупь в темноте.

Кеша среди них не было. Этим она и успокаивала себя.

Впереди, за полосой неподвижного камня, поднялась полоса песка и побежала в гору без ветра. Вей посмотрел, переложил повод в другую руку и выбрал путь южнее.

Глава третья

Первый час

Они шли, пока камни не потеряли тени. Сарен завёл верблюдов в складку базальта и дождался, когда последние оранжевые полосы света отступят с песка внизу.

Нима развернула полотно.

— Здесь?

— Здесь.

— Они уже открыли сундук.

— Значит, будут идти ночью.

Она посмотрела на равнину. Небольшой бархан скользил по ней; гребень держался цельным, а основание текло, как мука, высыпаясь в наклонённую чашу. Звук дошёл с опозданием: низкая нота с хрипом внутри. Напёрсток поднял голову. Сланка продолжала жевать.

— Успеем пересечь, пока он не вернулся?

— Этот не вернётся. Придёт другой.

Сарен натянул полотно между двумя трещинами и показал, какой угол не закреплять. Порыв ветра мог унести навес с четырьмя закреплёнными углами. Если один свободен, полотно захлопает и разбудит.

Нима предложила первой караулить. Он согласился, оставив животных между навесом и пройденным путём. Особых причин верить, что она останется, у него не было. Сапоги он положил под колени, а не под голову, как обычно.

Она осталась.

На рассвете Сарен нашёл её за навесом, с пластиной на бёдрах. В пыли были начерчены три круга. Рядом лежала мутная бусина величиной с горошину.

— Дополнительная плата?

Нима накрыла её ладонью.

— Часть машины.

— От пластины?

— В Девяти Дверях есть гнездо. Она записывает настройку.

— Чего?

— Читать не умею. Человек, которого встретим, умеет.

Он присел у кругов. Знаки она скопировала точно, но сломанный край направила на север.

— Поверни.

— Компас...

— К этому чертежу не относится.

Он сдвинул пальцем один круг.

— Здесь Котельная Скала. Здесь расколота колонна. И Игла. Это не города. Это места, которые не двигаются.

Наполнил чашу с зарубками из кухонного бурдюка. Вода просачивалась через маленькое отверстие на тряпицу: потом её выжмут обратно. Сарен держал чашу ровно, пока уровень не опустился до первой зарубки.

Нима взглянула на неё, затем на солнце.

— Всё-таки носишь часы.

— На час. За день меняется путь. За час можно понять, как быстро.

Она передала пластину. Впервые позволила ей оказаться вне досягаемости.

Большая часть обода была отломана. Сохранились три группы знаков; одна повторялась во втором кольце. Сарен перенёс их угольком на запасную ткань. Они задавали направления от неподвижных скал и промежутки между появлением руин. Тот, кто изготовил пластину, предполагал, что владелец знает, какое кольцо действует.

— Если время Девяти Дверей верное, этот квадрат откроется до полудня. В шести милях за расколотой колонной.

— Можно пройти мимо?

— Да.

— Тогда пройдем.

Он вернул пластину.

— Возможно.

Они выпили воды, поели холодных лепёшек и пересекли равнину, пока песок молчал. Сарен держался гравийных наносов у базальта. Нима искала следы. Раз он заметил, как она провела рукой по маленькому каменному уступу.

— Что нашла?

— Ничего.

— Это полезно?

— Человеку, который здесь ждёт, пришлось бы сесть.

Сарен тоже начал проверять уступы.

К середине утра показалась расколотая колонна — два тёмных зубца на гребне. У основания он обнаружил меловую стрелку на восток. Потёр мокрым пальцем. Свежая. Тот, кто оставил её, прошёл после последнего движения песка.

За стрелкой он не пошёл.

За гребнем из равнины поднялась крыша.

Сначала появился квадрат иного цвета. Затем песок на нём потёк наружу, тонкими лентами соскальзывая с краёв. Под крышей возникла стена. Рядом показалась вторая. Сарен остановил верблюдов.

Он почувствовал шум подошвами прежде, чем услышал высокую ноту, за которую Море получило имя. Песок перевалил через карниз, разделился и упал по сторонам. Ставни под ним ещё висели ровно.

Нима встала рядом.

— Сколько?

— Мы пропустили начало.

— Надолго?

— Если это тот квадрат, примерно на час.

— На пластине сутки.

— С того часа, когда показался первый край. Мы его не видели.

Он показал на тёмный песок вокруг зданий. Кольцо расширялось по мере их подъёма. Дальше светлый песок почти не двигался.

— Когда срок выйдет, тёмное кольцо вернётся. На последней минуте ни одна лошадь его не обгонит.

— А если останемся внутри?

— Сначала уйдут стены. Потом дороги. Потом всё, что решило, будто дороги останутся.

Она не спросила, откуда он знает.

Они пошли вдоль внешнего кольца. Две лишние мили, зато значительную часть пути — по камню. Сарен прикидывал потерю светлого времени, когда в верхнем окне появился красный лоскут.

Он остановился.

Лоскут снова взмахнул.

— Ткань на ставне, — сказала Нима.

— Двигается против ветра.

— Ветра нет.

Сарен крикнул. Мальчик высунулся так резко, что уронил ткань. Поднял обе руки.

— Подождите!

Остальное не разобрать. Он крикнул что-то в комнату и вернулся.

— Не уходите!

Сарен привязал поводы к камню за кольцом, дважды проверил. Нима взяла его за рукав.

— Нельзя сворачивать каждый раз, когда нам машут.

— Пока мы ни разу не свернули.

— До воды два дня.

— Поднимешь мне воду. Если сможешь, найди второй выход.

Он взял шнур и лопату. Нима стояла рядом с животными, всё ещё держала рукав. Он подождал, пока отпустит.

Внутри кольца сапоги погружались меньше чем на дюйм. Сарен направился к открывшейся стене, проверяя шаги черенком. Нима шла в шести шагах позади, не сообщая, что подумала.

Дверь была засыпана выше пояса. Через окно быстрее. Он потянул водосточную трубу; верхняя скоба вырвалась и ударила рядом с ногой.

— Спусти что-нибудь!

Мальчик вернулся с тремя связанными полосами одеяла.

— Не хватит.

— Нашу верёвку поднимет.

Нима привязала её к нижней полосе скользящим узлом с удерживающей петлёй. Такой узел можно было развязать сверху, не обрезая верёвку. Мальчик подтянул верёвку и закрепил вне поля зрения. Сарен повис на ней. Ничего не сдвинулось.

Он полез, упираясь ногами в стену. На середине выступ под сапогом обломился. Нима внизу отступила. В руке у неё был нож, хотя Сарен не мог понять, что здесь поможет перерезать нож.

В окне обнаружилась скамья, заклиненная между двумя столбами. Верёвка была обмотана вокруг неё шесть раз.

— Тави, — сказал мальчик. — Я Тави. Мара внизу.

— Кто Мара?

— Тётка. Она не может залезть.

Ему было лет тринадцать. На рубахе засохла соль. В комнате валялись разбитые кувшины, остов кровати без верёвок и рассортированные по цвету камни.

— Давно вы здесь?

— Со вчера.

— Снаружи или внутри?

— Сначала снаружи. Земля пошла. Мы забрались под кусок крыши. Только он не двигался.

Сарен заглянул в провал пола. Внизу у треснувшего столба лежала женщина, одной рукой поддерживая голову. Другая уходила под балку.

Увидев его, она попыталась сесть.

— Не пускайте его вниз. Всё утро пытается.

Тави толкнулся к провалу. Сарен осторожно придержал рубаху.

— Ты сделал самое трудное. Остался там, где тебя можно увидеть.

— Теперь вы её достанете?

Сарен оценил балку и пространство под ней. Найдётся крепкий рычаг — можно поднять конец. Ногу женщины он не видел.

— Попробуем.

Лицо мальчика изменилось. Так взрослые ему уже обещали.

Сарен положил железный язык на подоконник и указал на Ниму.

— Опустит верёвку. Попросит принести бурдюк с номером три. Будет спорить — скажи моё имя.

Внизу Нима убрала нож. Она смотрела на тёмное кольцо с сосредоточенностью человека, считающего выходы.

Сарен опустил ногу в пролом. Мара больше не пыталась сесть. Только спустившись на пол, он понял почему: под балкой запястье было вывернуто так, как запястья не должны оставаться.

Глава четвёртая

Дом под барханом

Третий бурдюк лежал под свёрнутым навесом. Нима освободила его, проверила пробку и понесла в кольцо. Годами она извлекала пользу из чужих бед. Оказалось непривычно, что беда может просто требовать воды.

Тави опустил верёвку. Нима привязала бурдюк, затем полезла сама. На подоконнике лежала железка Сарена. Она сунула её в кафтан, чтобы не упала.

— Он оставил, — сказал Тави.

— Отдам.

— Может, важная.

— Вода тоже. Опускай осторожно.

В нижней комнате было два выхода. Один — в сплошной песок. Второй — железная дверь с колесом, которую удерживала упавшая балка. Напротив, через узкий проход, стояла парная дверь. На схеме между ними одна опускалась, другая поднималась. Нима видела новые варианты под дворцом. Старые строители не доверяли людям закрывать одни ворота прежде, чем откроют другие.

Сарен сидел у женщины, проверяя балку, не двигая её. Под грязью лицо было серым.

— Рычаг.

Нима осмотрела проход. У колеса была съёмная рукоять — железный прут длиной с предплечье. Она вытащила его и принесла.

— Согнётся.

— Приподнимет достаточно. На что опереть?

Сарен оглядел комнату. Нима отломила ножку гнилого табурета, отбросила, когда дерево раскрошилось. Под песком лежал плоский камень. Она выкопала его лопатой и подтолкнула проводнику.

Мара наблюдала.

— Если отрежете, жаловаться не буду.

— Будешь, — сказал Сарен. — И правильно сделаешь.

Он подsunул прут под балку, камень под прут и попросил Ниму придержать дальний конец. Железо согнулось под его весом. Балка поднялась на толщину пальца.

Мара закричала.

Вверху показался Тави. Нима велела оставаться. Голос сделала достаточно резким, чтобы он послушался.

Сарен сдвинул камень ближе. Балка поднялась выше. Мара потянула руку, остановилась, попробовала ещё раз. Предплечье выскользнуло со скрежетом, от которого Нима невольно повернула собственную кисть.

Кровь заполнила впадину, где лежало дерево. Не хлынула. Но хватило, чтобы Нима оторвала полосу простыни и вложила в протянутую ладонь Сарена.

Они перевязали рану, поддерживая запястье в том положении, в каком нашли. Нима ухаживала за ранеными раньше — главным образом за людьми, которым нельзя было признаваться в ранах. Однажды ученик умолял не говорить Керету. Она всё равно сказала: думала, мальчика освободят от следующего упражнения. Керет воспользовался его слабостью во время упражнения.

Нима слишком затянула узел. Мара вздрогнула.

— Слабее, — сказал Сарен.

Она ослабила.

Когда Мару посадили у стены, в прежде засыпанной двери показалась полоска света. Здание ещё выходило из песка. Женщине дали немного воды, затем мальчику. Тави держал бурдюк обеими руками, но остановился, когда Сарен попросил. Нима ожидала спора.

— Снаружи повозка, — сказала Мара. — Была.

— Животное?

— Убежало.

— Кто-то ещё?

Она покачала головой.

— Мы пошли по меловым стрелкам. Продавец сказал, гряда безопасная.

Нима посмотрела на окно. Кто-то продавал неподвижный путь через место, которое ничего не удерживает. Уже исчез или готовит объяснение?

Сарен сделал перевязь из оставшегося одеяла. С Марой они потеряют скорость; если посадить её верхом до спада жары, потеряют ещё больше — возможно, её руку. Он решил ждать до вечера. Нима проверила свет и почти возразила.

Тогда он сказал:

— Ты знаешь, что случится, если повезём сейчас.

— Нам не платят за неё.

Мара закрыла глаза. Рука Тави крепче обхватила бурдюк.

Нима услышала себя так, как они. Хотела сказать: припасы на двоих, не на четверых. Сказала на языке Дома, где всякий получал цену прежде, чем входил в комнату.

— Нам нужен другой способ, — поправились она.

Сарен встретил её взгляд.

— Котельная Скала. Там возчики.

— Если доберёмся.

— Если доберёмся.

Нима пошла осматривать комнаты, чтобы не стоять и не ждать, когда станет добрее.

Дом был съёмочной станцией. На стене, рядом с маленькими гнёздами, тянулись деления. Под каждым гнездом вырезали номер канала. Семнадцать стояло в нижнем ряду возле знакомой Сарену развилки.

Она вытащила пластину. Соответствующий номер был во внешнем кольце. При краже она считала его отметкой пути. Стена говорила о большем — о соединениях, проходивших под всем южным округом.

В соседней комнате криво висела дверца шкафа. Внутри лежали ломкие бумажные свитки. Край первого рассыпался от прикосновения. Почти всё — описи: побледневшие счета гвоздей и масла. Один лист прикрывал квадрат стекла; восковые печати сохранились.

Нима подняла стекло.

На чертеже — колодец под террасированным холмом. Внизу две колонки: «ПРИНИМАЮЩИЙ КАНАЛ» и «ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ РЕЗЕРВУАР». Их соединяла тонкая линия. В первой стояло семнадцать. Во второй — знак из служебного листа под её кафтаном.

Она слишком быстро положила стекло. Угол треснул.

— Полезное есть? — крикнул Сарен.

Можно было сказать «нет». Он всё равно проверил бы перед уходом. Пришлось бы уничтожить документ, который мог оказаться единственным доказательством.

— Чертёж канала.

Сарен пришёл с деревяшкой для шины. Долго смотрел на колодец.

— Нижняя терраса. Здесь теперь тропа.

— Знаешь?

— Я там вырос.

Он проследил линию, не прикасаясь.

— Откуда-то подводили воду.

Значения второй колонки Нима ещё не понимала. Но могла сказать, где видела этот знак.

Вместо этого помогла сделать оттиск с панели под шкафом. На ней повторялась схема, высеченная в камне; надавливание её не повредит. Когда Сарен сложил ткань, Нима вернула язык колокольчика.

— Мальчик хотел, чтобы остался у тебя.

— Спасибо.

Это было хуже вопроса.

К вечеру они расчистили нижний выход. За ним лежал двор с синими плитками и повозка Мары, перекошенная у невысокой стены. Оба колеса целы, постромки оборваны. Можно снять колесо и использовать при переноске, если верблюдица не выдержит. Но Сарен решил, что Мара сможет сидеть в седле: достаточно переложить зерновые мешки.

Нима привела Сланку, держась за тёмным кольцом до ближайшего открытого прохода. Сарен устроил место, Тави пошёл за тёткиными сандалиями. Вернулся бегом.

— Люди. Наверху.

Нима шагнула в тень двери.

На западном гребне появились трое. Один на лошади, двое на верблюдах. Лошадь Керета понурила голову, бока потемнели от пота. Верблюды свежее. Он нашёл тех, кто знает каменные дороги.

— Вей! — крикнул Керет.

Сарен затянул последний узел на перевязи.

— Деньги можешь оставить. Выведи женщину. Остальным незачем терпеть неудобства.

Для чужих ушей это звучало почти ласково. Нима вспомнила, как Керет говорил новобранцу, что наказание продлится лишь сколько необходимо. Кто решает, сколько необходимо, не говорил.

Она проверила двери. Колёса сидели на одном валу: опустить дворовые ворота — открыть внутренний проход. Внутренние всё ещё подпирала балка. Убрать её, закрыть двор — и уйти через восточный выход станции.

— Животные с какой стороны?

— У восточной стены.

— Выводи её. И мальчика.

— Нима.

Она оглянулась.

— Не оставайся сводить счёты.

Чуть не улыбнулась. Столько он уже понял.

Они перенесли Мару вместе; Тави держал перед перевязи. Дождавшись, пока они пройдут в восточную дверь, Нима вернулась к колесу. Балку пришлось тащить обеими руками. Когда наклонилась, потянуло швы; тёплая кровь побежала под платок.

Снаружи пожаловался верблюд. По плиткам прошли шаги.

Она повернула колесо. Освобождённые внутренние ворота медленно поднялись. Дворовые начали опускаться.

Керет подошёл с обнажённым мечом.

— Плохой выбор.

Нима продолжала.

— Тебе ещё найдётся работа. Это не обязательно предавать огласке.

На миг она увидела предлагаемую комнату: чистую кровать, запёртый ящик, еду у двери. Девять лет жила в ней, слушая, как каждое поручение называют привилегией.

Ворота ударили по мечу. Керет отдёргнул его, прежде чем лезвие зажалось.

Нима побежала.

Восточная дверь выходила в переулок. Сарен держал Сланку; Тави забирался в переднее седло Напёрстка. Мара сидела, привалившись к подушкам, с привязанной к груди рукой. Нима устроилась за мальчиком.

Они пошли переулком на юг, скрываясь от всадников. На последнем повороте Сарен на миг остановился, чтобы уронить поперёк мостовой сломанные лестничные перила. Лошади это помешает — не больше.

У кольца Ниму настигла поднимающаяся нота.

Сарен оглянулся. По западной стене внутрь потянулась полоса тёмного песка. Он посмотрел на неё, затем на край солнца.

— Раньше началось.

— Насколько?

— Достаточно.

Середина крыши показалась утром. Но западный карниз, должно быть, вышел ещё вчера днём, когда Мара с Тави прятались под ним. Теперь Нима поняла, почему проводник не обещал им целые сутки.

За зданием Керет выкрикнул приказ. Его спутники отступали к верблюдам. Внутри опустились какие-то ворота, послышался долгий скрежет.

Они не стали ждать, добрался ли он до лошади.

Сарен вывел их на гравий, затем дальше между камнями. Напёрсток раз споткнулся под двойным весом. Нима придержала Тави поперёк груди.

Мальчик плакал молча. Она ослабила руку, чтобы он мог вытереть лицо, не спрашивая.

Когда остановились перевести дух, первая крыша уже исчезла. На песке, где находилось верхнее окно, оставалась красная полоса света.

Глава пятая

Камень, который остаётся

Мара просыпалась на каждом спуске. К третьему Сарен перестал говорить, что неровностей больше не будет. Вместо этого предупреждал, и она здоровой рукой хваталась за ремень на груди.

До темноты добрались до базальтового уступа. Сарен проверил свежий песок, старый помёт, свободные плиты. Убедившись, что безопасно, снял зерновые мешки и помог Маре слезть. Запястье распухло вокруг шины.

Нима осмотрела повязку.

— Надо ослабить.

— Насколько?

Она показала. Он следил за пальцами, ища уверенность, с которой она вертела воротное колесо. Здесь её было меньше.

— Делала раньше?

— Иногда.

— При таком ранении?

— Не настолько часто, чтобы обещать, что поправится.

Он позволил ей ослабить ткань. Такой ответ был полезнее утешения.

Тави сидел возле тётки, пока она не уснула. Затем помог расстелить навес и разделить хлеб. Большую половину своего куска оставил Маре.

— Пока не сможет съесть, — сказал Сарен.

— Потом сможет.

Сарен не стал убирать хлеб.

После наполнения маленьких фляг и проверки третьего бурдюка воды осталось сорок четыре литра. На спасение ушло больше, чем он собирался, но меньше, чем могло. В счёт не входило ничего, ждавшего у Котельной Скалы. До родника было ещё далеко. Сарен не прибавлял его воду к той, которую нёс.

Он написал число углём на ремне бурдюков.

— Им сколько? — спросила Нима.

— До Скалы — сколько потребуется.

— Это не число.

— Это число, которое мы не выбираем.

Он ждал возражения. Нима взяла уголёк и написала под сорока четырьмя четыре имени.

Ночью Тави проснулся, зовя тётку. Сарен подвинулся, чтобы мальчик увидел спящую Мару. Не нужно было трогать его или спрашивать, что снилось.

Перед рассветом Нима спустилась с наблюдательного места и присела с другой стороны навеса.

— Один огонь на западном гребне. Уже погас.

— Фонарь?

— Может, высекли искру.

Он поднялся и посмотрел, хотя знал: огонь его не подождёт. На бледнеющем небе ничего не двигалось.

— Человек у ворот вышел?

— Не видела.

— Мог остаться?

— Керет не верит, что опасность касается всех одинаково.

Она сказала это слишком привычно. Сарен не стал спрашивать, откуда знает.

Лагерь сняли до восхода. Нима шла пешком, Тави ехал один. Теперь он держался сам, и она могла смотреть за камнями позади. На спусках Сарен укорачивал повод Сланки. Мара молчала, но однажды спросила, стоило ли забирать чертёж.

— Мы пришли не за ним.

— Выглядело, будто за ним.

При утреннем свете её лицо стало яснее. Под грязью и болью угадывалась привычка торговаться.

— Что вы везли?

— Образцы камня. Кровельную глазурь. Старые плитки. — Здоровая рука пошла к месту, где должна была находиться повозка. — Женщина в Мерете покупает. С надписями платит больше.

— Меловой путь тоже её?

— Нет. Продавец маршрутов на дворе найма.

— Сколько взял?

— Больше, чем я теперь могу потерять.

Несколько шагов Сарен молчал.

— Знаешь его?

— Знаю, как он работает.

— Сказал, путь проверил мастер.

Легко было пообещать найти продавца, вернуть деньги, самому привезти образцы безопасной дорогой. Сарен вспомнил шесть слов Ири и пошёл дальше.

Котельная Скала показалась при ещё низком солнце: чёрный купол, над северным боком — сломанная каменная ручка. Под ней три шатра и ряд пустых кувшинов. Над средним покачивался флюгер из ложки. Его тихий звон Сарен слышал раньше, чем почуял костёр.

Из шатра вышла женщина с копьём и чайником.

— Положите всё, чем собираетесь убивать!

— Лесса.

Она прикрыла глаза от солнца.

— Вей. С тобой это слишком расплывчато.

— Нужна вода и возчик.

— Тогда положи всё, чем собираешься платить.

Увидев раненую, она переменяла голос. Мару отнесли в тень у выхода родника. Мальчик младше Тави позвал спутника Лессы — широкоплечего мужчину с очками, привязанными за головой. Тот когда-то учился у костоправа в Мерете. Закончил ли учение, Сарен спрашивать не стал.

Мужчина проверил пальцы Мары, заменил шину, дал горькое питьё. Она уснула.

— В город. Сегодня, — сказал он Сарену. — Нужен человек с чистым столом и временем.

— Отвезёшь?

— Я дорогой не заведу.

— Я заведу, — сказала Лесса.

Копьё она прислонила к камню, чайник оставила в руке. Родник и укрытие были её участком по разрешению султанской водяной конторы. Вода никогда не иссякала. Сарен помнил, как её брали за песню или небольшую работу. Теперь на каждом кувшине стояла казённая печать.

Он открыл кошель: три серебряных и семь медяков.

Лесса посмотрела на деньги, потом на Ниму.

— У спутницы ещё есть?

— Не здесь.

— Неудачное место выбрали.

Сарен снял наружный пояс. Серебряная пряжка, отполированная вокруг шпенька, принадлежала отцу Эды. Однажды торговец предлагал восемь серебряных. Сарен рассмеялся, хотя собирался обдумать позже.

Положил пряжку рядом с монетами.

— Можно продать.

Лесса перевернула её.

— Пять лет назад могла продать, когда ты был должен четыре кувшина.

— Я заплатил.

— Ремонт.

— Ручка до сих пор стоит.

Она взглянула на каменную арку. Перед зимними дождями он с тремя людьми расчистил трещину и забил клинья. Давно забыл бы ту работу, если бы Лесса не напоминала.

— Две серебряные оставь. Вода тебе, ей и животным. Остальное возчику. На пряжку станет жаловаться. Пусть.

— Сколько бурдюков?

— До шестидесяти четырёх литров. Считай сам. Я не твой мальчишка на рынке.

Сарен невольно улыбнулся.

Возчиком оказался сухощавый Пелл, возвращавшийся в Мерет с пустыми кувшинами и мулом. Жаловаться начал точно по предсказанию Лессы. Сарен помог переделать сиденье, подложив мешки, чтобы рука меньше тряслась. Тави хотел рядом.

— Будешь рядом, — сказал Пелл. — Ещё будешь держать стойку навеса. Это не праздник.

Мальчик обрадовался поручению.

Сарен написал Тале короткое письмо. Повозки наняты; если придут, на новую доставку от него рассчитывать не надо. Попросил поговорить с южными деревнями о переселении, даже если колодец удастся починить. Не написал, что надеется починить. Для Ири добавил: «Нашёл чертёж старого колодца. Воду ещё не нашёл».

Пелл согласился оставить письмо в восточной посыльной конторе Мерета. Быстрый гонец мог добраться до Кеша за три дня после получения. Письмо придёт раньше повозок или позже. Сарен доплатил медяк за опечатанный шнур и не стал считать неопределённость решённой.

Мара проснулась, когда её поднимали на повозку. Тави прижался к здоровому боку.

— Скажу покупательнице глазури, кто помог.

— Скажи продавцу пути, кто не помог.

— Она его знает.

— Тогда скажи дважды.

Мара слабо улыбнулась.

— Вы бы поладили.

Повозка ушла по неподвижной западной дороге, грохоча на неглубоких камнях. Нима смотрела, пока не исчезла за первой грядой.

— Ты потратил почти всё.

— Два серебряных — не почти ничего.

— Здесь почти ничего.

Он стянул кафтан шнуром вместо пояса.

— Покажи пластину.

Она принесла её к каменному столу. Лесса, не любившая частных разговоров в местах, которые содержала, подошла смотреть. Сарен положил рядом отпечаток.

С линией съёмочной станции одно направление во внешнем кольце стало понятным. Оно проходило через Котельную Скалу и Иглу. Промежуток внутреннего кольца выводил Девять

Дверей восточнее Иглы следующим утром. Если сейчас взять северный уступ, можно успеть к краю до появления.

Нима проследила промежуток.

— Слишком рано.

— Для кого?

— Для женщины. Она сказала Воску: второй утренний колокол.

— Чей утренний колокол?

Нима замялась.

Лесса фыркнула.

— Храма, водяной конторы, солдат? Или купца, которому надоело ждать? Все звонят в разное время.

Сарен ещё раз посмотрел на сломанную пластину. Он принял второй колокол примерно за час после рассвета. Карта давала более точный промежуток. Был ещё маленький обратный знак, пользоваться которым он не умел.

— Кто велел встретиться с ней?

— Её отец.

— Спросить можем?

— Нет.

Сарен подождал. Нима сложила оттиск прежде, чем он закончил смотреть.

— Нам нужна вторая половина. У нас всё неполное.

Лесса приблизилась.

— И позади становитсялюдно. Вчера прошли зелёные кафтаны. Конница. Купили корм и ушли северной каменной дорогой.

— Сколько?

— Одиннадцать всадников. Четыре выючных. Корма больше воды — значит, дальше у них стоянка.

Сарен посмотрел на намеченный уступ.

Нима сжала челюсти.

— Сказали зачем?

— Охрана съёмочных работ.

— Были с людьми в обычных кафтанах?

— Про обычные кафтаны ничего не говорили.

Сарен убрал оттиск. Люди Дома могли идти по следам. Конница — прибыть раньше по дороге, которой нет на карте. Прежде чем обходить опасность, нужно понять, какая именно.

Они ушли от Скалы в полдень, пересидели самые жаркие часы в мелкой выемке и продолжили, когда тень удлинилась. Нима шла рядом до первой поднимающейся песочной ноты.

— Что случилось с колокольчиком?

Он коснулся железа через карман.

— Принадлежал мальчику. Тот звонил, когда последнее животное выходило.

— Сам вышел?

— Нет.

Она кивнула. Сарен был благодарен, что она не предложила угадать остальное.

Глава шестая

Девять Дверей

У Иглы нашлись три цепочки конских следов. Одна перекрывала две другие и шла обратно каменной дорогой. Возвращавшаяся лошадь потеряла подкову.

Сарен показал отпечатки Ниме.

— Что думаешь?

— Гонец.

— Откуда знаешь?

— Туда шли осторожно. Обратно — нет.

— Может, испугался.

— Испуганные часто и становятся гонцами.

Он потёр подбородок и больше не спрашивал.

Следующий лагерь разбили под Иглой — базальтовым столбом, таким узким, что тень накрывала лишь половину навеса. Нима спала первой и проснулась при бледнеющем небе. Сарен стоял с чашей у края камня.

За ним в песке появилась линия. Для гребня слишком прямая.

— Первый край, — сказал он.

Она подошла. Впервые не требовалось гадать. Парапет вышел прямо у них на глазах. Сарен отметил уровень воды, положение солнца под горизонтом и направление линии в записной книжке.

— Завтра. До этого часа.

— Столько не понадобится.

— Вчера тоже не понадобилось.

Ответ заслуженный. Она не стала сообщать ему это.

Девять Дверей поднялись длинным зданием вокруг двора. Входы намеренно различались размером и высотой: два вели на уровень крыши, четыре — во двор, три — в низкие служебные проходы. У каждого колесо. Под самой большой аркой из земли поднимался противовес в клетке железных направляющих.

К северу, на постоянном камне, стояла тонкая башня. На балконе наблюдали два солдата в зелёном. Внизу лошади пили из корыта. Труба тянулась от башни к закрытому баку.

— Их следующая стоянка, — сказал Сарен.

Солдаты видели любого входящего. Оснований считать, что у них есть её описание, Нима не находила. Считать обратное тоже. Конница и Тихий Дом обычно делали вид, что не получают общих указаний. Писари у них бывали общие.

Она ниже натянула платок.

Из большой арки вышла женщина с длинным футляром. Один рукав синий. Второй обрзан у локтя; предплечье прикрывала кожаная полоса. Она посмотрела на башню, затем на людей под Иглой.

Нима подняла пустую ладонь.

Женщина поставила футляр.

— Стойте там.

Сарен взглянул на Ниму.

— Знакома?

— Знаю только имя.

— Скажи.

— Азра Сенн.

Сарен имени не узнал. Нима вспомнила запертую комнату и запах лампового масла. Рафи объяснял расчёт, уже не надеясь, что его станут слушать.

Азра прошла до середины двора. На поясе висел широкий гаечный ключ.

— Воск сказал, кто-то принесёт пластину. Не сказал, что ты.

Она смотрела Ниме в лицо.

Нима надеялась на платок. Теперь поняла: он не помог бы. Азра стояла в коридоре в день ареста отца. Нима посмотрела на неё, собираясь успокоить, и решила, что молчание будет меньшей ложью.

Рука Сарена отпустила повод.

— Что Воск тебе сказал?

— Что уцелевший человек добыл вещи моего отца.

Нима вытащила пластину.

— Это его.

— Знаю.

— Он сказал, у тебя вторая часть.

Азра смотрела так пристально, что медь стала тяжёлой.

— Когда?

— Перед смертью.

— В тюрьме?

Нима не ответила.

Азра потянулась за ключом. Сарен встал между ними — не настолько близко, чтобы удержать хоть одну.

— Объясните, во что я влез.

— Она пришла за отцом, — сказала Азра. — Четверо. Говорила она. Велела собрать ему еды.

В открытом дворе было холодно. Под платком у Нимы выступил пот.

— Я его арестовала.

— Куда отвела?

— В восточные съёмочные комнаты.

— В тюремной книге — южные казармы.

— Книга врёт.

— И ты знала, пока я двадцать три дня спрашивала в южных казармах?

Ссылаться на башню, расписание или пластину было нечем. Нима не знала, что Азра ходит спрашивать. Сказать об этом сейчас означало бы оправдываться.

— Да.

Азра сделала шаг. Ключ остался у бедра.

— Когда ты ушла, он был жив?

Правильный ответ закончит встречу. Может привести к аресту на виду у станции, которая нужна всем. Нима сказала себе, что сперва надо завести Азру внутрь, пока конница не спустилась.

— Я видела его живым в съёмочных комнатах.

Азра сжала губы.

Сарен повернулся к Ниме. Он услышал подмену вопроса.

— Она спросила другое.

— Да.

Некоторое время никто не двигался. У башни лошадь ударила по корыту. Вода выплеснулась — яркая, расточительная в утреннем свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.